

№ 3

июль 2016

ЭТАЖИ

литературно-художественный журнал

Авторские этажи. Поэзия

Максим Жуков

Бахыт Кенжеев

Наталья Горященко

Владимир Гандельсман

Аркадий Шпильский

Татьяна Вольтская

Сергей Жадан

Авторские этажи. Проза

Наталья Дзе

Роман Сенчин

Ульяна Колесова

Полина Жеребцова

Екатерина Асмус

Джон Маверик

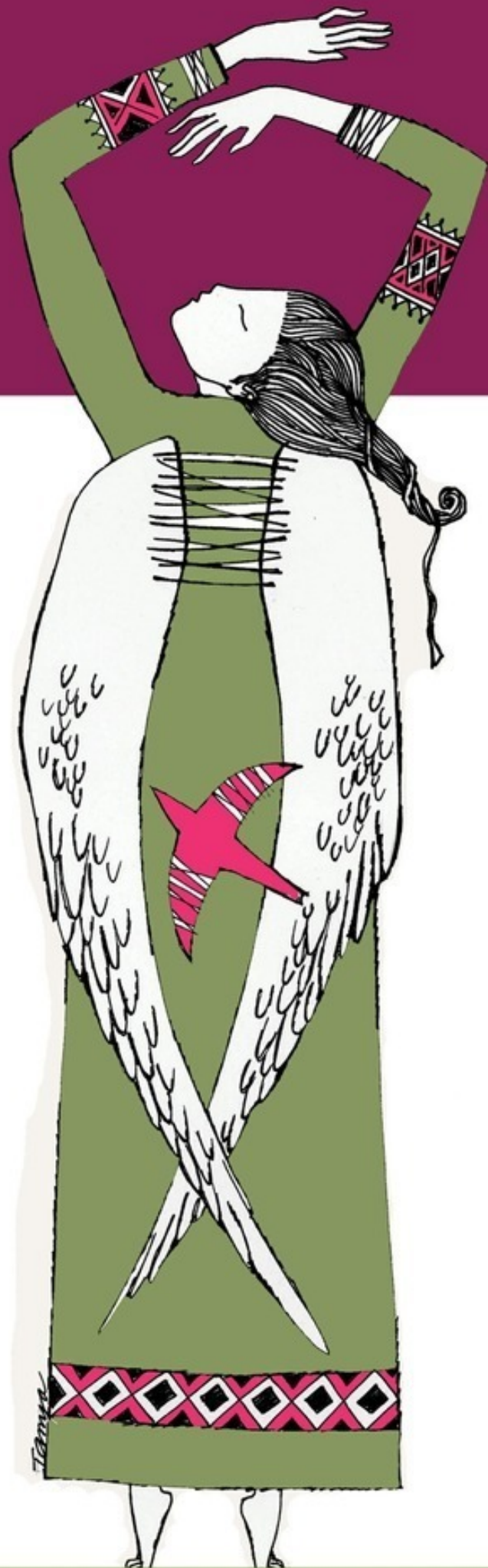
Exegi Monumentum

Поэт Елена Шварц

Литературная кухня

Ольга Седакова. Думая о Елене Шварц.

Записано по видео-материалам лекции

«Писать стихи – это проклятие!»

Интервью с Ирэнной Орловой о Елене Шварц

Литературно-художественный журнал

Этажи. №3. Июль 2016

«Издательские решения»

Литературно-художественный журнал

Этажи. №3. Июль 2016 / Литературно-художественный журнал —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749664-7

Журнал имеет электронную и печатную версии. Печатный журнал выходит три раза в год. В него отбираются лучшие публикации, размещенные в электронном журнале. Редакция отдает предпочтение новым, не опубликованным ранее материалам. Сайт журнала: www.etazhi-lit.ru Рукописи принимаются по эл. адресу: etazhi.red@yandex.ru

ISBN 978-5-44-749664-7

© Литературно-художественный
журнал
© Издательские решения

Содержание

Татьяна Вольтская	6
«Бочком, с опаской вышел снег...»	6
«Метель на Университетской...»	7
«Когда в лодке плотник Питер...»	8
«Ледяная змеиная шкура...»	9
«Мост. Тающий лёд...»	10
«Рука в руке дрожит синицей...»	11
«Ну, что, душа? Что сидишь, тиха?»	12
Роман Сенчин	13
Морская соль	13
Владимир Гандельсман	22
Посещение	22
Романс на одной ноте	23
Перед отлётом	24
Осень	25
Стихи	26
Ода осени	27
Апория-1	28
Апория-2	29
Апория-3	30
Ульяна Колесова	31
Сеансы магии	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Этажи

№3. Июль 2016

Литературно-художественный журнал

© Литературно-художественный журнал, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Главный редактор **Ирина Терра**

Редактор отдела поэзии **Игорь Джерри Курас**

Редактор отдела прозы **Улья Нова**

Редактор рубрики «Литературная кухня»

Владимир Гандельсман

Редактор рубрики «Чердак художника»

Таня Кноссен-Полищук

Редактор рубрики «Музыкальная гостиная»

Ирэна Орлова

Экспертный совет редколлегии:

Вера Павлова

Дмитрий Воденников

Даниил Чкония

Женя Брейдо

Макет, оформление и вёрстка **Екатерина Стволова**

Выпускающий редактор **Мария Шандалова**

Иллюстрации:

Римма Мустафина – стр. 22

Ульяна Колесова – стр. 49

Олег Ильдюков – стр. 61

Таня Кноссен-Полищук – стр. 73

Марк Шагал «Обнажённая и петух» – стр. 88

Полина Жеребцова (10 лет, 1995-й год) – стр. 102

Иллюстрация на обложке Тани Кноссен-Полищук

Сайт журнала: www.etazhi-lit.ru

Рукописи принимаются по эл. адресу: etazhi.red@yandex.ru

Татьяна Вольтская

«Бочком, с опаской вышел снег...»

Бочком, с опаской вышел снег
На двор, пробежкой мышинной.
Потом он падал, как во сне,
На сгрудившиеся машины,

На урну и скамейку, лёг
У заколоченной парадной,
Ступень и ржавый козырёк
Накрыл ладошкой прохладной.

Нет, он не падал, он нырял,
Как будто ждал, когда мы вздрогнем,
И снова из-под фонаря
К деревьям и ослепшим окнам

Он наклонялся, как спина
Незагорелая мужская
Над женщиной, как та волна —
Ну да, ты помнишь, Хокуся.

«Метель на Университетской...»

Метель на Университетской
Холёной набережной, лёд,
Автобус, паренёк простецкий
С двумя подружками, народ

В наушниках. Намокшим мелом
Дворец прочерчен. Ты со мной?
Ты здесь? Безжизненное тело
Реки накрыто простынёй.

В глазах у города мерцанье,
Ладонь, прижатая ко лбу —
Как будто санки с мертвецами
Проскальзывают сквозь толпу,

Как будто произносишь: «Город» —
И тень ложится под стеной,
А эхо отвечает: «Голод»,
И снова тихо. Ты со мной?

Парады, кабаки, цыганки,
Расстрелы, балерины, спесь.
Вот если бы не эти санки.
Метро, окраина. Ты здесь?

Торговый центр, пивная, пьянка
В парадняке. Подъём. Отбой.
Ты здесь? И точно ли твой ангел
Присматривает за тобой?

«Когда в лодке плотник Питер...»

Когда в лодке плотник Питер
Минул Невскую губу,
Усмехнулся искуситель
И подзорную трубу

Льстиво подал да ретиво,
Да не тою стороной:
Град с обратной перспективой
За стеною водяной.

То-то люди в Петербурге
Ходят задом наперёд,
То-то сбоку ветер юркий
Черным хвостиком метёт.

То Столярный, то Фонарный,
То Кирпичный, то Свечной,
То Дегтярный, то кошмарный —
Жидкой полночью мучной

Ходят люди, горбят плечи,
В переулках месят грязь,
Устремляются навстречу —
Дальше, дальше расходясь,

Спотыкаются, по жиже
По болотной семеня.
Так и ты, дружок – чем ближе,
Тем ты дальше от меня.

«Ледяная змеиная шкура...»

Ледяная змеиная шкура
С лёгким треском сползает с Невы.
Далеко нам до строящей куры
Богатеям гордячки-Москвы.

До шелкового далеко нам,
До Садового пояска,
До басового – в злате иконном —
До господского говорка.

А и наша держава не промах —
Налетай, кому надо воров:
То-то в ваших гуляют хоромах
Недомерки из наших дворов.

То-то к вам понасыпалось бесов
Из глубоких чухонских болот,
Чтобы, воздух измяв и изрезав,
Время вывернуть наоборот,

До кровавой мездры. Не до жиру —
Быть бы живу да в щёлку залечь.
Это мечь. А не надо порфиру
Грубо стаскивать с мраморных плеч,

С департаментов и присутствий,
С жёлто-белых, застывших во сне
Площадей, по которым несутся
И безумный фельдъегерь, и снег.

На Москве-то всё гладкие лица,
Без гульбы да потравы – ни дня.
И шипит отставная столица,
Как змея под копытом коня.

«Мост. Тающий лёд...»

Мост. Тающий лёд.
На куполах туман.
Из полыни пьёт
Ветер, припав к губам

Мёртвой реки. Снег,
Что пришёл не спросясь
И обнимал во сне,
Превращается в грязь.

Как это – был и нет?
На щеке, на груди
Вот же его след.
Только не уходи!

«Рука в руке дрожит синицей...»

Рука в руке дрожит синицей,
А в небе тают журавли
И огненная колесница
Неистового Илии.

Надулась воздуха рубаха,
Как царство сокрушился лёд,
Всё чаще вздрагивает птаха —
То ли от страха, то ли от

Волны безжалостного счастья,
Что горлом хлынуло – и с ним
Обломки слов и льдинок мчатся
В дыму и скрежете весны.

«Ну, что, душа? Что сидишь, тиха?»

Ну, что, душа? Что сидишь, тиха?
Держишь горшок с землёй, а в нём – корешок греха —
Чёрненький, с золотым, Божьим, переплетён.
Страшно тебе, душа? Ну-ка, вставай, пойдём
Медленно вдоль реки, словно катя клубок
Перед собой – смотри, как Его мир глубок:
Жабры твои, душа, розовы, и глаза круглы,
Гнутся вокруг стеклянные впадины и углы,
Вьются скользкие ленты, колются рачьи усы,
И плоские караси колеблются, как весы.
Ну-ка, пошли, душа, дальше, стряхни песок,
Берег, лесок – смотри, как Его мир высок:
Ветер из полотна, облако из стекла,
Быстро летают капель блестящие зеркала.
Перья твои, душа, в крапинку, и круглы глаза,
Выше рванулась, милая, да нельзя —
Поясок натянулся, обвивая тебя, как дым —
Тот самый, чёрненький, перепутанный с золотым.
Вот и сиди, как Золушка, хмельные Божьи меды
Отделяй от дёгтя, от неумытой беды.
Страшно тебе, душа? А всё-таки не зови
На помощь – не то нагрянут птицы да муравьи,
Распутают сердце, быстрыми лапками шевеля, —
Тут-то оно и рассыплется, как земля.

Роман Сенчин

Морская соль

Поначалу это был не поселок, а дорожная станция. Устраивали такие на тракте километрах в тридцати-пятидесяти друг от друга, и старинные, с цепями на клыках ЗИСы, ГАЗы, МАЗы, КраЗы переползали по узкой, с крутыми подъемами и спусками ленточке дороги от одной станции до другой; шофера отдыхали, отсыпались и ползли на своих громоздких, но маломощных машинах дальше... Четыреста километров от одного города до другого, которые сейчас пролетают часов за пять-шесть, тогда, полвека назад, занимали три-четыре дня, а то и больше. Зависит от того, какая погода, какой груз, есть ли горючее на заправках... Да и без поломки редко обходилось.

На станциях были заежки, чайные, дежурили грейдеры, ремонтные бригады, стояли камнедробилки, чтобы в гололед посыпать дорогу щебнем.

Возле станций селились люди, и постепенно станции превращались в поселки. Иногда крупные, жителей по триста-пятьсот.

Со временем автомобили становились совершеннее, дорогу выравнивали, покрывали асфальтом, и нужда в таком количестве станций стала пропадать. Закрывали их, и уходили люди. На новых картах возле кружочков с названиями появлялась в скобочках пометка («нежил.»). И вот теперь осталась одна «жилая» – поселок Арадан.

Расположен он почти посередине тракта: до одного города без малого двести километров тайги и перевалов, и до другого – двести с лишним километров перевалов, тайги и холмистой степи.

Вытянулся Арадан вдоль трассы в высокогорном ущелье: долгих восходов и закатов здесь не бывает – утром солнце быстро выкатывается из-за одной вершины, а вечером так же быстро закатывается за другую. Склоны гор покрыты хилыми, кривыми лиственницами. Сейчас, в середине сентября, они еще зеленоватые, веселые, но скоро станут рыжими, а потом, когда выпадет снег, будут пепельно-серыми, словно опаленными. Тоскливо тогда на них смотреть. Будет казаться, что весь мир такой – умерший. А оживет ли весной – неизвестно...

Ирина Антоновна, учительница русского языка и литературы, медленно шла к школе по единственной улице Арадана. Это был тот же тракт, благодаря которому возник поселок, но здесь, на этих двух километрах, он именовался – улица Шоссейная. Не будешь же на почтовом конверте писать: такой-то край, такой-то район, поселок Арадан, Федеральная автодорога М54, дом такой-то...

Сейчас, в девятом часу утра, на тракте пусто. Машины пойдут ближе к обеду – одни с юга, другие с севера. Из одного города в другой... Ребятишки после уроков встанут на обочине, наблюдая за пролетающими мимо их поселка грузовиками, легковушками, называя марки автомобилей, иногда, увидев незнакомую, споря, что это – «тойота» какая-нибудь новая или «ниссан»... Так же стояли пацанята и полвека назад, и тридцать лет назад. Иногда замрет старшеклассница, провожая быструю красивую машину, брызжущую бодрой музыкой, и в ее глазах будет такая тоска, что лучше не видеть...

Большинство, окончив школу, уезжают из поселка, находят свое место там, за перевалами, в большом мире. На родине появляются редко. Случается, забирают родителей отсюда, и дом пустеет.

Да, население Арадана постепенно уменьшается. И через несколько десятилетий он наверняка исчезнет. Люди держатся вокруг асфальтового заводика, который пока необходим

для подновления тракта. Но изменятся технологии, заводик в конце концов закроется, и народ разъедется...

«Что ж, пусть, но хоть не при мне», – думает с каким-то облегчением Ирина Антоновна.

Она любит этот поселок, этих людей, эти горы, воздух – чистый, таежный, но временами с легкой, приятной даже примесью горячего асфальта. А когда ветер тянет с реки – кажется, задохнешься обилием кислорода, легким становится тесно, хочется вдыхать и вдыхать... Река рядом, на задах поселка. Широкий, но бешеный, в пене, рвущийся по камням вперед Ус. Вечно над ним водяная дымка; даже в самые лютые морозы лед не может сковать его полностью, вода то и дело пробивает полыньи, вырывается на поверхность, создавая ледяные горы, напоминающие башни замка... Несмотря на запреты, пацанята тоже поколение за поколением убегают туда играть в войнушку, в рыцарей...

Заморозки уже били, но до настоящей зимы еще с месяц. Сейчас тепло, в тайге брусника, грибы, на болотах клюква, в логах облепиха, на курумниках кызырган – вкуснейшая ягода, которую больше людей любят змеи: висят на кустах и сосут мякоть, и часто бывает – с одного края куст обирает человек, а на другом хозяйничает гадюка... До позапрошлого года Ирина Антоновна ходила за кызырганом, но теперь не может. В шестьдесят восемь лет тяжело по камням скакать. Спасибо, ученики дарят баночку-другую...

Для школы в семидесятые годы, когда в Арадане жило под тысячу человек, выстроили двухэтажное здание. Но отапливать его оказалось дорого – дровами не натопишь, а уголь привозной, – да и классы стали маленькие, человек по пять-семь, и в начале девяностых школу перевели в одноэтажный длинный бревенчатый дом. Там уютней, теплей. А двухэтажка стоит до сих пор, правда, обобранная до предела – остался один кирпичный скелет. Применения ей, слишком роскошной, не нашли. Всё у них тут упрощается, скукоживается. Тоже, как повсюду, – оптимизация.

Ирина Антоновна прошла мимо закусочной «Перевал», навесов простенького рыночка. Под навесами никого – ближе к обеду займут здесь места торговцы целебными травами, грибами и ягодами, медом; если кто спросит, и запрещенные панты продадут, хариуса... «Перевал» же открыт круглосуточно: и ночью может подъехать проголодавшийся, а каждая копейка девочкам из «Перевала» важна. Закрывать грозитесь закусочную владелец, живущий далеко отсюда, в городе Абакане. Убыточно держать ее, на налоги больше тратится, чем выручки получает.

А готовят девочки вкусно. Пельмени настоящие, котлеты, бывает, из лосятины, борщ, плов. А бигус какой!.. Ирина Антоновна иногда покупает у них что-нибудь на ужин. И чтоб поддержать сотенкой рублей, и чтоб самой не готовить. Одной-то что?..

Давно одна Ирина Антоновна, очень давно... Сорок девять лет назад они приехали сюда с мужем. Выпускники педагогического училища. По распределению, но с удовольствием. Особенно муж радовался – он любил волю, туризм, костер, по рекам на байдарке сплавлялся. Носил узкую бородку, по моде шестидесятых, не выпускал из рук томик рассказов Глеба Горышина, где герои бросали города и укрывались в глуши... Ирина Антоновна была тогда беременна на первых месяцах, могла бы при желании настоять не на таком глухом месте, но решилась ехать, и как-то по-настоящему решилась, как оказалось – навсегда...

Хватило мужа на несколько лет. Сначала молча тосковал, сидел часами на берегу с удочкой, а потом и просто так. Курил и курил. Стал заводить разговоры о том, что жизнь идет, уже к тридцати возраст, надо расти. «Гошке, – кивал на сына, – через пару лет в школу. Чему он тут научится?.. Нет, – спохватывался, – коллектив хороший у нас, но ведь это все равно – тайга».

И чем настоятельней он давал понять, что надо переезжать, тем тверже Ирина Антоновна хотела остаться. Непонятно даже из-за чего. Придумывала: из-за природы, из-за учеников, которых, уехав, как бы предаст... Но именно придумывала – головой. А сердце просто знало: нельзя уезжать.

Разрыв с мужем происходил долго и тяжело. Уволившись, вернувшись на их общую родину, на Урал, он несколько раз возвращался, уговаривал, требовал задуматься о будущем сына... В конце концов официально развелись, и он исчез. А потом исчез и подросший Георгий. Окончил восемь классов, поступил в райцентре в училище, но после неполного года учебы (побывал дома раза три за это время) бросил, написал, что едет на какую-то стройку – на какую, не уточнил, – и больше ни слуху ни духу.

Много лет искала его Ирина Антоновна, писала в разные инстанции. Наслушалась и от мужа упреков, и от своих родителей, и от мужниных. А потом словно отрезало ту прежнюю жизнь. Остался этот поселок со школой, «Перевалом», двумя сотнями людей... Даже когда болела, в район не ехала – лечилась сама или фельдшер уколы ставила. Не хотелось видеть другого; телевизор или радио включала раз-два в неделю, не чаще. Знала, ничего там хорошего не увидит. В свободное время читала любимые книги и, как в детстве, словно утопала в этом книжном мире, на много часов забывалась.

Очнувшись, вынырнув, часто ругала себя за слабость, за неправильно прожитую жизнь, за то, что сына упустила... А потом начинала вспоминать, и видела, что было много хорошего, было счастье, особенно в первые годы, да и позже... И после исчезновения Георгия – было.

Такое вот утро, тихое, осеннее... Это ведь счастье по такому утру неспешно идти в школу, чтобы учить детей, открывать для них новое. И большинство местных, тех, кто остался, чувствуют себя счастливыми. Нет у них здесь таких пьяниц, бичар, каких полно в городах и в деревнях вокруг городов, нет нищих, жалких... Как-то надежно живут, хоть и небогато, зато со смыслом...

А сегодня в школе особенный день. Не по программе будет рассказывать ребятам, не то, что рассказывала в середине сентября все эти годы.

Еще в августе, перед началом учебного года, директор, Ольга Борисовна, сообщила ей:

– Нужно провести уроки о Крыме, о русских писателях, писавших о Крыме. Вы понимаете... О Пушкине, Лермонтове...

– Лермонтов, по-моему, там не был.

– Да? – Ольга Борисовна на мгновение вспыхнула. – Ну, других там... Там же многие бывали... Чехов?

– Чехов, Цветаева, – кивнула Ирина Антоновна, – Бунин.

– Отлично... Не впрямую желательно, а так... показать, что это часть России, источник вдохновения русских писателей. Понимаете?

– Конечно-конечно! – Ирина Антоновна уже выстраивала в голове урок для пятиклассников, шестиклассников...

– Только попросили «Остров Крым» не упоминать. Вы не читали?

– Нет.

– Ну и хорошо...

И вот сегодня у Ирины Антоновны два урока литературы. Сначала восьмой класс, потом пятый. Для восьмого – отрывки из «Бахчисарайского фонтана», лирика Цветаевой и, конечно, «Севастопольские рассказы» Толстого. Но сначала – вступление о значении Крыма в русской литературе.

Вошла в класс, привычно обвела глазами стены с портретами классиков, парты со стоящими на них стульями... Сняла плащ, повесила на крючок у двери, достала из сумки тетрадь с конспектами уроков, книги с закладками в нужных местах. Открыла одну. Закладкой было отмечено стихотворение Евдокии Ростопчиной о героях Севастополя во время Крымской войны. Ирина Антоновна поневоле зачиталась:

Ура, защитники России!..
Добро пожаловать в Москву!
У ней вы гости дорогие,
Про ваши подвиги святые
Давно уж чтит она молву.

Герои верности и веры, —
Вы, наши чудо-молодцы,
Затмили удалью без меры
Всех древних доблестей примеры,
Все бранной славы образцы.

Что Данциг, Сарагоса, Троя
Пред Севастополем родным?
Нет битв страшней, нет жарче боя...
Дыша в огне, вы гибли стоя
Под славным знаменем своим!..

Да, нужно поменьше говорить от себя, а больше цитировать. Никакие свои слова не сравнятся с художественным словом. А ведь это чудо... По крайней мере – на слух:

Двенадцать раз луна менялась,
Луна всходила в небесах, —
А все осада продолжалась,
И поле смерти расширилось
В облитых кровию стенах.

Четыре смены вражьей силы,
Четыре войска там легло, —
И бесполезны могилы
В волнах морских, в степи унылой,
В борьбе безвыходной нашло...

Стали входить ученики, здоровались. Аня Маркова, Денис Мельников, Настя Попова, Дима Губин, Ксюша Кондаурова... Их было пять человек в восьмом классе. В младших есть и по двенадцать – больше стали рожать в последние годы. То ли деньги по материнскому капиталу побуждают, то ли какое-то осознание включилось, что можем вымереть, если так будет продолжаться, как в девяностые...

Вот бы еще одиннадцатилетку восстановить, тогда поселок стал бы по-настоящему полноценным. А так – доучатся до девятого, а потом что? Малая часть устраивается в райцентре или дальше, получает полное среднее, большинство же идут или в ПТУ (теперь они благозвучнее называются – колледжами), или болтаются так, недоучками. Из уехавших возвращаются единицы, почти нечем здесь заняться, негде приложить силы, заработать... А что бы не жить...

Задрезжал алюминиевый звонок в коридоре. Ирина Антоновна встряхнулась, освобождаясь от ненужных сейчас мыслей, и поднялась. И ученики тут же вскочили. Ирина Антоновна оглядела их, сказала громко и приветливо:

– Здравствуйте, ребята! Садитесь. Начнем урок. – Выждала, когда усядутся, объявила: – Сегодня у нас урок необычный. Отклонимся на время от учебника.

– Блин, а я всю «Повесть о разорении Рязани Батыем» прочитал, – пробурчал с досадой Дима Губин. – Зря, что ли...

– Ну, за два дня не забудешь, а в четверг с тебя и начнем разговор о «Повести». Я твое желание запомню, Дима, даже пометку в журнале сделаю.

Губин втянул голову в плечи, остальные ученики коротко посмеялись.

– Так, а сейчас поговорим о том влиянии, которое оказал Крым, Крымская земля на творчество русских писателей. Многих поколений русских писателей, начиная с Пушкина и до нашего времени... О Крыме писали такие выдающиеся, великие писатели и поэты, как Лев Толстой и Чехов, Бунин и Цветаева, Александр Грин и Горький, Максимилиан Волошин и Юлия Друнина, замечательная поэтесса военного поколения...

Ирина Антоновна сделала паузу... Нужно было объяснить, почему она решила поговорить на эту тему.

– Вы, конечно, знаете, что Крым вновь стал частью России. Когда-то, шестьдесят лет назад, он был включен в состав Украины, и в то время этому не придали значения: тогда Россия и Украина были частью одного государства – Советского Союза. Но потом произошел... Произошел распад, и Крым стал границей. Но эта земля, этот полуостров с восемнадцатого века был частью именно России... – «Нет, надо про более раннее сказать». – Вообще Русь и Крым были связаны с древнейших времен. Из уроков истории вы, наверное, знаете, но я напомним. В Крыму жил просветитель Кирилл, один из создателей кириллицы, прообраза нашего алфавита, здесь принял крещение князь Владимир. Часть Крыма входила в состав Тмутараканского княжества – самого южного русского княжества... На полуострове останавливался по пути из Индии тверской путешественник Афанасий Никитин... Крым стремились присоединить к России Иван Грозный, царица Софья, Петр Первый. И это удалось только Екатерине Великой...

Снова пауза. Теперь – о том, что влекло писателей, поэтов в Крым.

– Природа Крыма поразительно красива, здесь находятся уникальные творения архитектуры, здесь удивительно целебный климат. Полуостров омывает теплое и чистое Чёрное море. Во многом благодаря этому сюда приезжали многие русские литераторы, которые воспевали его в своих прекрасных произведениях, а Лев Николаевич Толстой, например, описал в «Севастопольских рассказах» героизм защитников Севастополя во время Крымской войны. И сегодня мы с вами познакомимся с некоторыми из этих произведений.

– А вы-то сами там были? – спросил Денис Мельников; нехорошо спросил, как-то с вызовом.

Ирина Антоновна на мгновение оторопела. Потом кашлянула, сказала:

– Нет, Денис, не бывала. Но в этом ли дело?

– Ну а как... Может, его вообще нет на самом деле.

Ксюша Кондаурова, девочка обычно тихая, старающаяся быть незаметной, хихикнула.

– Интересная логика... – Ирина Антоновна прошла перед доской, искала сильный ответ. – По-твоему, на уроке географии нельзя рассказывать, скажем, об Африке, не побывав в Африке? А биологию не стоит преподавать, не увидев всех зверей, все растения? Да, Денис?

Денис молчал, смотрел на обложку учебника литературы.

– Чтобы поговорить о Крыме, достаточно знать, что он вдохновил писателей, художников на прекраснейшие произведения искусства. Он стал неотъемлемой частью русской культуры. Там чтут память Пушкина, Паустовского, Максимилиана Волошина, Александра Грина. Не так давно, я читала, в Феодосии открыли музей Марины Цветаевой... Кстати, кто-то читал «Алые паруса» Грина?

Тишина. Лишь Настя Попова через какое-то время несмело сказала:

– Я фильм видела.

– Фильм замечательный. Но с книгой даже он не сравнится. Обязательно прочитайте, ребята. У нас в школьной библиотеке она есть. Можете и у меня взять на время... Итак, поговорим о Крыме в произведениях наших писателей.

– Ирина Антоновна, – не унимался Мельников, – а зачем нам это все-таки? Давайте по программе. Димка вон подготовился.

Ирина Антоновна редко сталкивалась с подобным. Обычно ученики вели себя тихо, с дисциплиной в их маленькой школе проблем почти не возникало. И Ирина Антоновна стала сердиться.

– А почему, Денис, – сделала голос сухим и строгим, – почему ты так против разговора о Крыме?

– А зачем? Что нам это даст вообще?.. Мы тут и скиснем, в этой дыре.

– Что? – Ирина Антоновна опешила. – Почему это скиснете? Как так можно говорить, Денис! Учитесь хорошо, и перед вами будут открыты все двери... И наш Арадан – это не дыра, кстати сказать. Знаете, что это слово означает?

Ребята помотали головами – «нет, не знаем».

– А означает оно – великий, могучий, большой. Название «Арадан» очень распространено в тюркоязычном мире. В Иране, например, есть селение Арадан. Там родился предыдущий президент этой страны – не очень хороший человек, но тем не менее... И еще писатель Толкиен в своей саге упоминает «Арадан». – Об этом несколько лет назад ей сказала одна из учениц, и Ирина Антоновна запомнила. – Поэтому никакая мы не дыра, а наоборот... – она улыбнулась и постаралась придать своему голосу шутливость: нужно было снять напряжение. – Мы живем на высоте почти двух тысяч метров над уровнем моря! Мы жители уникального населенного пункта в крае... Так, а сейчас вернемся к нашей теме, и начнем мы с Александра Сергеевича Пушкина. Он побывал в Крыму двадцатилетним молодым человеком, во время Южной ссылки. Крыму, или, как его называли раньше, Тавриде, Пушкин посвятил немало лирических стихотворений, поэму «Бахчисарайский фонтан». Именно там Александр Сергеевич задумал роман в стихах «Евгений Онегин». В конце жизни он вспоминал: «Там колыбель моего Онегина...»

Урок удался. Ребята, поначалу расслабленные выходками Дениса Мельникова, включились, увлеклись, их глаза заблестели. И даже Денис растерял свой скепсис, его душа сдалась...

Потом было два урока русского языка в шестом и седьмом классах, потом – литература в пятом. С пятиклассниками было легко – очень доверчивые, жадно впитывающие всё хорошее, светлое, прекрасное... Плохо, что и грязи в них вливается достаточно – особенно через телевизор...

По пути домой Ирина Антоновна заглянула в закулочную, купила две порции бигуса. Поужинает... Девочки-поварихи были невеселые: опять почти никто не останавливался, а наготовлено много. Придется самим есть, и не забесплатно, конечно. Покупать свое же...

Только вышла из «Перевала», столкнулась с Олесей, диспетчером с заправки. Давней ученицей.

– Здравствуйте, Ирина Антоновна, – сказала Олеся торопливо. – Как ваше здоровье?

– Да так, Олесенька, ноги ломит. – Ноги действительно болели. – Наверно, к непогоде.

– Обещают снег... А вы знаете, что сегодня у меня приключилось?.. Сижу, подъезжает «жигулёнок». Суётся человек в окошечко: «У меня бумажных нет при себе, возьмите вот это. Срочно заправиться надо». И показывает монету, два рубля, в таком... в целлофан заклеена. «Это, – говорит, – редкая монета, две тысячи третьего года. Она десять тысяч стоит. Срочно надо заправиться, а денег нет». Представляете? И так напористо, что пришлось участковым пугать. «Сейчас участкового вызову, – говорю, – пускай разбирается с вашей монетой». Ну, этот заматерился и уехал.

Где-то когда-то Ирина Антоновна слышала, что некоторые обычные вроде монеты стоят гораздо больше номинала. Отчеканенные малым тиражом, с браком... Но говорить об этом Олесе не стала – не надо ей засорять голову лишней информацией. Начнет еще каждую монету изучать, искать ценную... Да и сил для объяснений не было. Устала. Согласно покачала головой:

– Да-а, мошенников нынче полно. Будь внимательней, Олеся.

– Спасибо! Я побегу...

Ирина Антоновна давно приучила себя не думать о постороннем на работе. И потому вопрос Дениса, бывала она в Крыму или нет, на несколько часов забылся. А теперь вернулся и заставил размышлять... Конечно, она правильно ему ответила, что учителю географии не обязательно побывать в Африке, а учителю биологии – увидеть своими глазами строение всех животных, чтобы о них рассказывать. Но все-таки... Все-таки...

А что бы и не съездить в Крым? До краевого центра пятьсот километров с небольшим. А там наверняка есть прямой рейс... На неделю... Увидеть дом-музей Чехова, домик Грина, Паустовского, Ласточкино гнездо, картины Айвазовского... Вдохнуть тот воздух.

Надо с директором, с Ольгой Борисовной, поговорить. Может, узнает насчет путевки. Как старейшему учителю... и сколько лет в профсоюзе состояла... А нет, так у нее есть сбережения. На поездку может себе позволить потратиться. Не сто же тысяч неделя в Крыму стоит... Тем более если не в сезон поехать. Взять и на осенние каникулы...

Хорошо бы с ребятами отправиться на следующее лето. Пусть увидят, какая страна большая и разная... Было время, она возила учеников в бывший уездный город, а нынче один из ближайших райцентров. Старинный по здешним меркам, с двухсотлетней историей. Там театр, большой краеведческий музей, музей декабристов, единственная уцелевшая в округе церковь... Ходили на дневные спектакли для детей, на экскурсии в музеи, заходили в церковь, в библиотеку, находящуюся напротив церкви в старинном здании. И Ирина Антоновна замечала, как это всё облагораживает ребят... В городе почти все они бывали довольно часто, но как – по магазинам, в поликлинику, в парк на каруселях покататься. А здесь видели город другим... На обратном пути в автобусе было тихо-тихо, и прямо ощущалась происходящая в каждом из маленьких людей духовная работа...

Давно уже эти поездки прекратились – автобус стало заказывать тяжело и дорого, да и со здоровьем у Ирины Антоновны было уже неважно... Целый день на ногах не выдержать...

Пришла домой. Прохладно. Включила обогреватель. Посидела в кресле, глядя на закрывавшие две стены в большой комнате стеллажи с книгами. В спальне тоже стеллаж. Это еще муж сделал из струганых досок, намертво приколотил здоровенными гвоздями к бревнам сруба... В первое время на стеллажах вместо книг лежало белье, стояли вазочки, банки с нитками, пуговицами, утюг, еще разные нужные в быту вещи. А теперь – сплошь книги. Плотно, одна к другой. Из каждой поездки в райцентровское село, в город Ирина Антоновна привозила одну, две, пять книг.

Она завещала свою библиотеку школе, и директор растрогалась до слез, долго благодарилась. Но где их там разместят? Места не так уж много. Хочется помечтать о том, что после ее смерти эти полдома – две комнаты и кухню – превратят в библиотеку, но не стоит. Не стоит баюкать себя мечтами...

Ноги ломило так, что хотелось тереть их, чесать... Поднялась медленно, добралась до кухни, включила электрочайник, достала из шкафа пакет с морской солью. Высыпая ее, рыжеватую, в таз, прочитала не замеченную раньше надпись на упаковке: «Изготовлено из солей Верхнекамского месторождения».

«Какое там море?» – удивилась Ирина Антоновна. Ответ нашла тут же, на упаковке: «Живая сила природных кристаллов Древнего моря».

Ну да, могло быть там, в верховьях Камы, древнее море. В древности, как доказывают ученые, большая часть суши была покрыта водой...

Налила в таз нагретой воды из чайника, размешала соль ложкой. На дне осталось несколько крошечных камешков. Их приятно чувствовать подошвами... Отнесла таз в комнату, поставила перед креслом.

Сняла носки, теплые колготки, уселась, медленно опустила ноги в горячую воду. Выдохнула со стоном... Нет, хорошо. Морская соль всегда помогает, разгоняет кровь, успокаивает суставы...

Что ж, вполне можно попробовать... Тем более сейчас, когда про Крым много говорят, даже чуть не насильно посылают туда людей в санатории... Свезить ребят, Дениса Мельникова, чтоб убедился... Каких, действительно, граждан страны можно воспитать, если они видят только этот клочок земли? Прекрасный, но все равно – клочок. И телевизор не поможет: по сути, они не воспринимают происходящее на экране как реальную жизнь. Им что мультяшное, что документальный фильм...

И на первый взгляд механически, а на самом деле, чтоб утвердиться в этой своей мысли, Ирина Антоновна взяла с этажерки пульт, включила громоздкий, но еще нестарый – лет десять ему – Daewoo.

Экран еще был черный, а звук уже пошел. Быстрый, звонкий голос молодой журналистки:

– Необычная акция прошла сегодня в одной из московских гимназий. Ученики провели благотворительную ярмарку, чтобы собрать деньги для лечения своего товарища... – Журналистка пятилась по школьному коридору, глядя в камеру. – Девятиклассник Саша Куликовских сейчас почти полностью парализован. Всё началось весной с обыкновенной мальчишеской травмы, но после операции произошло заражение крови. Сепсис привел к поражению мозга и гибели большого количества клеток. Но клетки мозга имеют способность восстанавливаться, поэтому надежда есть. Для лечения в Германии, а именно там готовы Саше помочь, нужно одиннадцать миллионов рублей. Родителям Саши удалось собрать один миллион с небольшим...

Журналистка вошла в актовую залу, заставленную столами. На столах пирожки, яблоки, стеклянные банки с вареньем, корзинки, поделки. За столами дети, зазывающие:

– Покупайте, покупайте! Саше нужна помощь!

– К поиску денег подключились учащиеся школы, – снова заговорила журналистка. – Они организовали благотворительную ярмарку. Кто-то принес выращенные на дачах фрукты и овощи, кто-то – глиняные фигурки, сделанные своими руками. Милена Гурова со своей мамой-дизайнером изготовили вот такие симпатичные закладки для книг, – журналистка взяла в руки пестрые полоски бумаги. – Одна закладка стоит сто рублей. Не так уж много, когда речь идет о спасении жизни. – Она не глядя вынула из кармана сторублевую бумажку, положила на стол, пошла дальше. – Второго октября здесь же, в гимназии, состоится благотворительный концерт и еще одна ярмарка. Помочь Саше можно и в социальных сетях. Достаточно набрать в поисковике: «Спасите Сашу Куликовских».

Ирина Антоновна нажала красную кнопку на пульте. Экран погас, звук исчез. Море, дома-музеи, Ласточкино гнездо снова оказались далекими, почти не существующими... Вода в тазу остыла, ногам стало зябко.

Владимир Гандельсман

Посещение

Ночь декабрьская, холод.
В отчий дом захожу.
Я, старик, ещё молод.
Свет тускнеет в прихожей.

Из столовой отец
сбоку выйдя: «Трагедия
в нашем доме», – и тень
к тени, две на паркете.

Мать выходит потом.
«Что стряслось?» – замираю.
«Мы вчера, – впалым ртом
говорит, – оба умерли».

Прохожу. Вижу в спальне
мать у зеркала молодая
прихорашивается, шаль
на плечах, ни следа

смерти, рядом отец —
то обнимет её, то смеётся,
слышу скрип половиц,
белый свет на них льётся.

Романс на одной ноте

Вдруг в ночи он забрякал
на гитаре, романс затянул,
и заплакал навзрыд я, беззвучно заплакал,
как на горле петлю затянул.
Потому ль, что сердечно
он фальшивый мотив выводил
и так нежно, так нежно и так человечно
к свету Божьему не выводил.
Что ж, что выпала решка...
Мне ль плацкартной тоской исходить
и чуть что выходить покурить? Что за спешка,
если скоро совсем выходить?

Перед отлётом

Вот он, огненный тамбур, —
здесь с тобой выпивал я не раз.
Это гамбургер, варвар,
это чизбургер, френч твою фрайз.
Здесь я захорошею
и увижу, как в чёрном окне,
лебединую шею
изогнув, проплываю вовне.
В чёрном космосе – жёлтый
куб «Макдональдса». Музы поют.
Что искал, то нашёл ты, —
чудной жизни последний приют.
Так давай же потешим
душу, глядя на звёздчатый лёд, —
это счастье в чистейшем
виде взято тобой напролёт.

Осень

Лечь в квартире пустой,
глаза закрыть.
Был талантливый, не простой...
Время убило прыть.

Кем притворялся ты
лет пятьдесят,
рифмами наводя мосты?
Пересчитать цыплят

самое время. Покой земли.
Только в стекло —
ветка – мол, за тобой пришли.
Оно и пришло.

Как узнало ты адрес мой?
Даром следы я за-
метал, не приходил домой,
менял адреса?

Даром? Нет его.
Молодому оставь
погремушку часа рассветного.
Ночь наступает. Явь.

Хлеб не тело, вино не кровь.
Образ отшелуши.
Не говори, что в душе любовь,
там ни души.

В изморози поля.
К нулю сползла
температура. И ты с нуля
начинай, не со зла.

Стихи

Я искал, где они ютятся.
В магазины ёлочной мишуры
заходил, засматривался на шары
(да святятся!),

в вечереющем ли предместье,
ноющем, как укол
под лопатку, в неоновых окнах школ
(много чести

месту пыток, где ходит завуч
с тощим на затылке узлом,
в костюме, стоящем колом),
в парке, за ночь

ставшим чистой душой без тела, —
точно зрение оступилося в даль
и наклонная птица диагональ
пролетела,

я искал их на Орлеанской
набережной шарлеанской и в том
великодушии (с поцелуем-сном,
его лаской), —

в том единственном, пожалуй,
за что можно ещё любить
(так чувствовал Сван, готовясь забыть
жизнь, усталый),

в море, шуршащем своим плащом, —
вдоль него вечно бы с тобой брести! —
я искал их, не видя смысла, прости,
больше ни в чём.

Ночью вздрагивал, шёл на шорох,
память перерыл, как рукопись, вспять,
и когда отчаялся их искать,
я нашёл их.

Ода осени

Когда всей раковиною ушной
прильну, в саду осеннем стоя,
к живому, чувствую душой
с землёй всецело феодальное родство я.
Тогда я завожу интимны
всепрославляющие гимны.

Бывает, что безмерно засмотрюсь,
заслушаюсь и мигом пылко
с жестоким миром замирюсь, —
я, высших милостей усердная копилка!
Чу! Тонкую тропинку, верно,
перебежала горна серна.

Уж затевает шахматы листва,
на тихий пруд слетая мелкий,
секунда в воздухе, чиста,
висит, как на флажке, неборимой стрелкой.
То осень, осень златовласа
ждёт окончательного часа.

Мы станем с ней ушедших поминать.
Ни золотых монет, ни меди
своей мне не на что менять.
Пусть боголюбые мне жизнь сулят по смерти,
каким бы ни было жилище,
такой не будет духу пищи.

Не будет. Я всегда хочу домой, —
единственный бесценный дар мой.
Фрагмент ограды – струнный строй —
в развилке дерева мелькнёт горящей арфой.
Погаснет? Я и сам немею,
но быть не радостну не смею.

Апория-1

Жизнь вынашивает воспоминание
о себе, как мать вынашивает дитя,
замедляет ход, излучает сияние
и почти навёрстывает себя, хотя
черепаха была и пребудет чуть впереди
Ахиллеса (и это щит его и его пята).
На часах двенадцать, но без пяти,
скоро, скоро, а в сущности – никогда.
Только всю воссоздал, а она ушла
на шагок, не успеть за ней, не успеть.
Бесконечной задуманная, светла
вспоминанием. Невозможна смерть.

Апория-2

Едва касаюсь лезвия болезни
в младенчестве, когда впервые страхом
дохнуло, миг – и зарождаюсь в бездне,
в сцепленьях с миром находя себя по крохам.
Но чуть продлюсь там – и уже потерян.
Стихотворенье движется напрасно,
и надо возвращаться к тем портьерам,
слегка колеблющимся, не рифмуя праздно.
К волчку, к вращению его с завывом
и выбегом из яви – грани стёрты,
к тому, как чахнет и, качнувшись криво
туда-сюда, ложится на бок, полумёртвый.
Последовательность движенья – призрак,
стихотворенье движется к началу
себя, в своих младенческих капризах.
Путь непреодолим, я в нём души не чаю.

Апория-3

Я почувствовал: скоро. Тихо
дверь прикрыл и сбежал во двор.
Там, натягивая тетиву к уху,
с самодельным луком стоял Тевтар.

И стрела, рванувшись, застыла.
В сонном страхе вернулся: дверь
приоткрыта, за ней – затылок
и спина – с носилками пятится санитар.

Непосильный позор. Всё ближе.
Мёртвый груз прикрыт простынёй.
Мне хватило б раза. Но вижу
бесконечно: недвижно летит стрелой.

Ульяна Колесова

Сеансы магии

Сказка для очень взрослых

Люся, душевно стареющая девушка двадцати девяти лет с запущенной сексуальной неудовлетворенностью и, как результат, условно-философским взглядом на жизнь, решила изменить эту самую жизнь к лучшему. Твердо решила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.